

У театра «Сатирикон» - свой любящий зритель. В чем его феномен?

- Он очень неоднороден. У «Сатирикон-шоу» и «Превращения» - разная публика, и те, и другие мне дороги. Мне не нравится, когда ходит одна компания людей. Рафинированный, утонченный театр Фокина и Фоменко я очень люблю, но площадной и демократичный - тоже люблю. Не могу жить без обоих. Наверняка таких зрителей, как я лично, немало. Но в принципе зритель разный.

Многие относятся к нашему театру уважительно. Я хотел бы, чтобы в зал приходили мне подобные, считаю себя нормальным хорошим зрителем и надеюсь на себе подобных. Я не считаю себя утонченным, рефлексующим, понимающим нечто недоступное другим. Замечаю (и меня это вдохновляет): то, что нравится мне как зрителю, нравится многим. У меня нет ощущения вкусовой избранности, обрекающей на одиночество. Для большого театра это важно - угадывать вкусы нормального зрителя. В нем уживается любовь к демократичности и к тому, что требует большой работы души.

- Как вы пришли к пониманию, что актер «Сатирикона» должен быть синтетичным, уметь не только играть, но и петь, танцевать?

- Это обязательно, хорошо, если умеют. Но я считаю, что для настоящего артиста уметь надо. Но артисты плохо работают «впрямь», если это не надо для конкретной роли. Вообще каждодневно тренироваться для артиста нелегко. Практика показывает, что они начинают «линять». Они - существа, как правило, ограниченные. С этим надо считаться, и не стоит от них требовать того, чему они не могут соответствовать. Актеры эмоциональны. Гораздо понятнее им - конкретная роль. «Ради этого спектакля я горы сворочу!»

Получается, что у нас много спектаклей, где приходится хорошо двигаться. Но меня больше интересует энергетичность артиста. Современный театр - это энергетическая атака. Главное, чтобы он обладал энергетикой, если артист не танцует, не поет - ничего страшного.

- Про вас всегда было известно, что вы выходили на сцену почти каждый вечер: спектакли нуждались в вашей энергетике и вы не могли позволить себе не играть?

- В последние годы я играю 24 - 28 спектаклей в месяц. Важно не количество. Мне жаль, что я раньше не сыграл Рогозца или Мэки-Ножа. Но всему свое время. Мне важно, что есть разные качества ролей. Я люблю часто выходить на сцену, но каждый вечер - это многовато. Пока что режиссеры высокого класса приходят в мой театр, если я пообещаю им себя в качестве актера. Нам не хватает актеров высокого класса.

- Какую из ваших масок: Сирано де Бержерака, Брюно, Грегора Замзы, Мэки-Ножа вам хотелось бы носить в жизни?

- Каждый образ дается трудно. Страшная участь - быть Сирано де Бержераком. Достаточно того, что временами я пытаюсь в это погрузиться. Моя собственная жизнь и мое лицо менее драматичны, чем у моих героев. Но мне поэтому и легче в определенном смысле.

- Как вы погружаетесь в этот чужой мир?

- Я из артистов, которые настраиваются. Я плохо верю артистам, которые не готовятся, мне это не близко. Мой отец, бывший великим мастером, после второго звонка уже был на сцене. А молодые, игравшие с ним, еще и к третьему не всегда собирались. И только странный наивный «школьник» Аркадий Райкин настраивался. Я знаю, это редкость. В свое время меня очень интересовала моя сокурсница Наташа Гундарева, которая могла играть сразу. Но у меня другой организм, и в ином способе подготовки я вижу изъяны. Отношусь к этому ритуально. Если кажется, что в роль можно впрыгнуть, это самообман.

Мне не нравится легкое отношение с ролями. Витюк говорил, что нужно делать спектакль весело и легко. За редким исключением я не вижу, чтобы что-то хорошее получалось весе-

ло. Чувство юмора - другое дело, но веселиться в работе, не боясь, что можешь не сыграть, не смочь... Не люблю легких отношений с профессией. Когда я читаю про Моцарта «гуляка праздный», мне кажется, что все было сложнее, чем на первый взгляд. Не думаю, что ему творилось легко.

- Как влияют на вас роли, вы легко возвращаетесь в реальность?

- Мне кажется, чем лучше играет артист, тем легче он сбрасывает роль с себя, как перчатку. Я не верю в долгое пребывание в роли после спектакля, это актерское шаманство. Чем лучше играется трагедия, смерть, тем

правильно, что я это делаю. Я совершенствуюсь, приобретаю навыки художественного руководства. Это дело наживное. Это место моей наибольшей реализации.

- Гамлет говорил: «Цель искусства во все времена - держать зеркало перед природой и показывать каждому веку истории его неприкрашенный облик». Как это трансформируется в вашем искусстве?

- Это очень точно, не хотелось бы добавлять ничего. Я выхожу к зрителям, к этой «природе», любя их. Можно выйти эпатажно, ненавидя, презирая, стараясь расшевелить пуб-

по качеству не будет сильно отличаться от моей игры. Мне интересно этим заниматься, зрители хорошо реагируют, я думаю, произойдет тот же эффект, как и с моим художественным руководством. В то время было принято считать, что я неплохой актер, даже хороший. Потом, когда я стал худруком, ко мне долгое время относились пренебрежительно. Я заставил переменить мнение. То же самое будет с режиссурой. При моей неуверенности в себе (это мое сопутствующее качество: здание своей уверенности я выстраивал по крупным камням всю жизнь), я их «переубеждаю». В

вье «Отелло», «Поминальная молитва» с Леоновым, Майя Плисецкая в «Дон-Кихоте», Барышников в «Сотворении мира» и «Дон-Кихоте», Владимир Васильев, Хулио Бокка, Фарух Рузиматов (считаю, он лучший сейчас танцовщик в нашей стране). Другого слова, кроме «потрясение», подобрать не могу. Я скучаю порой по потрясениям.

- Сохранились ли у вас заповеди от отца, которым вы следуете?

- Это, скорее, не слова, он мог научить «собой» без назидания. Он был гениален: показывал гениально, но никому это не годилось, настолько было индивидуально. Он жил профессией и учил лишь тому, что каждому дано было воспринять от него. Он говорил, что сцена - самая ревнивая женщина и не прощает никому, это прорва, которой мало тебя, твоей семьи. Ты должен кинуть туда все-все. Говорят, так «пожирают» артиста шекспировские роли. Он был приверженцем театра радостного и праздничного, был лирическим актером.

- Как вы относитесь к общественной деятельности хороших артистов? Ведь и Ульянов, и Калягин, соглашаясь на пост председателя Союза театральных деятелей, жертвовали своей артистической карьерой.

- По-моему, это наносит ущерб главному делу. Артисту надо играть. Честно говоря, я не понимаю, что такое СТД. Мне иногда кажется, что это амбиции, властные ощущения, желание привилегий? Может быть, я обижусь кого-то этим. Даже при моем огромном уважении к Ульянову мне жаль, что он на время перестал быть артистом. Марк Захаров пишет статьи и выступает в качестве советника Президента, он делает это талантливо, но ему приходится отрываться время и силы от театра - главного дела своей жизни. Для истории, эмоционально, «одним знаменателем», кто такой Марк Захаров? Помощник Президента? Политический деятель? Он останется в истории как создатель «Ленкома».

Под дулом пистолета я бы согласился этим заниматься, хотя совершенно не знаю, что мне там делать, какую пользу я могу принести. Я становлюсь антиобщественен, безынициативен. В театре у меня хорошо работает голова. Я не могу быть там, где не нужен.

- Это совесть. Как вы выбрали себе такое оригинальное хобби - коллекционировать парфюм?

- Для меня очень важна была обонятельная информация. Но хобби это связано с театром, с желанием иллюзии. «Чтобы не умереть от правды». Театр, запах - это иллюзии. Солнечный свет в театре разрушает иллюзию. Актеру полезно одеться во что-то новое, найти запах, сменить обувь, чтобы не тащить на сцену бытовую реальность улицы. Запах помогает избавиться от житейского, войти в иллюзию. Я покупаю то, что мне нравится в данный момент. Запах может быстро надоесть. Но никогда не гонюсь за тем, чего у меня нет. Поэтому я не коллекционер. Я понимаю ароматы, чувствую. Есть модные темы, которые мне не близки: унисекс, арбузные корки, легкие ароматы. В принципе, я люблю тяжелые и горькие запахи.

- У вас нет желания инсценировать роман «Парфюмер» Зюскинда?

- Это замечательное произведение, но очень литературное. Я в свое время очень обаялся «непеснями», что испытываю кайф от общения с драматургией. А образ гениального парфюмера, преступника, достигшего господства над миром, замечательный, но скорее для кино. И еще - очень французское произведение. Я задумывался об этом. Если бы Фокин занялся этим и поставил что-то странное.

- Вы, выступая на эстраде, до сих пор показываете этюды о вступительных экзаменах, раньше любил изображать животных. Отчего?

- На творческих вечерах я много чего показываю. Не люблю интеллектуалов, которые ни рожу не могут соорудить, ни лягушку показать. Актер - лицедей, скоморох, не надо забывать этого.

Беседовала
Наталья КОЛЕСОВА.
Фото ИТАР-ТАСС.

Константин РАЙКИН:

ЧТОБЫ НЕ УМЕРЕТЬ ОТ ПРАВДЫ

Константин Райкин един как минимум в двух лицах: художественного руководителя и премьера театра «Сатирикон». Неразделимость обеих ролей и их разнообразие - тема разговора с актером, чей талант, обаяние, фанатичная трудоспособность и ответственность за дело своей жизни бесспорны.

больше счастье актера. У него, как человека, возникают положительные эмоции. Он раздвоен: умирая на сцене, он видит, что сцена хорошо получается. И, как мастер, он счастлив. Чем сильнее страсти, тем легче их «снять» потом, тут же, абсолютно. Актер - нормальная, живая и здоровая профессия.

- Вы никогда не жалели, что ушли из «Современника»?

- Я вспоминаю о нем, но не жалел ни разу. Я правильно сделал, хотя 10 лет, проведенные там, были очень полезны, и этот театр - мой родной дом. Но я взял свою судьбу в свои руки: очевидно, я не должен был быть просто артистом. Я не могу реализовать всех своих возможностей даже в очень хорошей труппе, если останусь только актером. Я должен быть причастным к лидерству.

- Сейчас есть возможности антреприз, театральных проектов...

- Я сам участвую в спектаклях «Театра Антона Чехова» Леонида Трушкина, но сам такой театр не люблю. Для меня театр - это долговременное творческое содружество, атмосфера именно выращивания, а не заимствования звезд. Театр долго растет, все прилаживается друг к другу. Это единый способ жизни, развития. Если замечательный артист приходит в коллектив, ему предстоит труднейшая ломка, потому что он воспитан по-другому. Я знаю это по своему опыту.

- Какие чувства вы испытывали, когда стали во главе «Сатирикона»?

- Радостные. Правильно, что я этим занимаюсь. Я не жалею ни секунды -

лику агрессивными способами. Изначально я хочу выходить на сцену, только если я люблю зрителей. Я им доверяю и рассчитываю на взаимность. Мое зеркало не лишит их надежды, отразит их жизнь с оттенком оптимизма. Хочется сделать то, что им поможет. Или вызвать в них чувство справедливости - бередящее, спровоцированное. Посылка в обоих случаях - любовь.

- Какие чувства вызывает у вас театр агрессии, шока, жестокости?

- Когда Володя Машков говорит о «Трехгрошовой опере» как «театре веселой агрессии», я называю это атакой. Атакой сердцем, великодушием, красотой. Я люблю театр наступающий, но с добром. Агрессию, ужасики (в театре они сильнее, потому что живая энергия воздействия артиста сильнее на сцене, чем в кино), эпатажные постановки я не люблю. Это не может не действовать - так и задумано. Я очень люблю быть обеспокоенным, но определенными способами.

- Каждая ваша роль - это эксперимент и развитие своих способностей, сопровождаемые большим успехом. Чем вы руководствуетесь, когда беретесь за режиссуру?

- Желанием себя выразить. Я учусь этому делу так же, как когда-то я был артистом менее умелым и учился. Обо мне-артисте в молодости писали с опаской, настороженно. Самый умный в этой истории - зритель. Он руководствуется чувствами. Уменьшая ощущение, что я имею право заниматься режиссурой. Со временем это

своем актерском деле я развивался «себе на уме» (у меня большой уровень внутренних притязаний). Мне кажется, я постепенно заставляю себя уважать и как режиссер. Посмотрим.

- Почему театр справился с угрозившим ему кризисом?

- Театр не сдает позиций. Некоторые стали отставать от времени, всегда какие-то театры гибнут. Я вижу несравнимые преимущества театра перед, скажем, телевидением. Непотворимость условий, энергия воздействия актера на зал и ее возврат, магия театра. Поэтому не люблю записи спектаклей. Экран убивает магию, энергия передается в минимальных количествах.

Это касается любого сценического искусства, эстрады, даже попсы. Те, кто не видел Аллу Пугачеву «живую», не понимают истинного размера ее дарования. Если бы я не был на концертах Пугачевой, я бы не понимал масштаба таланта этой артистки. Кажется, что роднее по телевидению, чем она? Но она поразила меня.

Есть прекрасные, фантастические, невероятные ощущения, которые можно испытать только в театре.

- Какие ваши самые сильные воспоминания?

- Смоктуновский в «Идиоте» БДТ, «Мещане» (4 раза), «Горе от ума» (с Юрским), «Я, бабушка, Илико и Илларион» (грандиозный, фантастический спектакль). Я видел папу, и несколько раз меня это потрясло (те, кто видел его в «Огоньке», не понимают, что это был за артист). Марсель Марсо, «На дне» с Евстигнеевым, «Обыкновенная история» с Табаковым. Лоренс Оли-

28.12.96
К. Райкин